

Танкист

Серая песчаная пашня, перегороженная ржавыми вольерами, подходила к сосновому бору, если можно было так назвать расщепленные, исхлестанные снарядами деревья, когда-то обозначавшие строгие аллеи.

Среди этого хаоса замаскировались "тридцатьчетверки", наспех забросанные лапником. Острый аромат перемешался с гарью. К сладковатым окопным испарениям Алексей Спиридонов привык уже давно, когда еще был зенитчиком на бронепоезде. Именно тогда, под Брянском, осенью сорок первого поджег он единственного в своей жизни "хейнкеля". Запах горелого мяса преследовал его потом всю войну. Но здесь несло какими-то аптечными химикалиями, напоминавшими медсанбат и первое легкое ранение.

- Матка боска! Ну и ну, минералкой зело заправили. Бароны сеять собрались, пся крив! - выругался Стась, заряжающий экипажа, и потянул носом.

Со Стасем Спиридонов прошел весь путь от Смоленска до Варшавы, а сейчас аж к воротам Берлина подкатились. Да еще в одной и той же машине с тех пор, как судьба забросила их в польскую дивизию Тадеуша Костюшко. И кто бы мог подумать, что ему, орловскому мужику из села Скородное, что под Верховьем, доведется воевать в мундире Первой народной армии Войска Польского! Но таков интернациональный долг. Эти слова обычно произносил их политрук еще в те дни, когда формировалась дивизия и когда с Урала пригнали они первые "тридцатьчетверки". Впрочем, его, Спиридонова, не пришлось уговаривать: в каком бы полку ни воевать, лишь бы воевать, да поскорее, надоели все эти переформировки, курсы, дислокации. А с поляками он и раньше встречался, когда служил на границе. И речь их стал понимать - много похожего. Хорошие ребята, с полуслова все разумеют и землю любят, от работы не бегут, а главное - свободой дорожат. Разные, конечно, характеры встречались. Каждый человек на свой манер. Ну хотя бы комроты Николай Василевский. Зря слова не скажет. По анкетам поляк, а всю жизнь в России, в Свердловске, прожил. Родители его из Варшавского воеводства, от помещиков, бежали, советская земля их приютила. Всю жизнь мечтали о новой Польше, а заветные их желания пришлось сыну до дела доводить. Хороший товарищ, умный и храбрый командир.

И механик-водитель парень что надо. Из-под самой Варшавы, из концлагеря, драпанул. У меня, говорит, с фашистами счет особый, всю семью нацисты расстреляли, двух малолеток не пожалели.

Вспомнил Алексей и о своих, оставленных в Скородном, - четверо и все мал-мала меньше. Лишь Маша в первый класс ходила. Полевую сумку, память пограничную, пришлось ей отдать. Вспомнил, как все они плелись за ним по взбудораженной пыльной дороге до самой станции и жена уже не голосила, а только всхлипывала, прижимая в изнеможении грудного, а тот хлопал толстыми мокрыми губенками и, как галчонок, вертел головой.

Спиридонов бросил сигарку и тут же закрутил еще одну задрожавшими пальцами, стараясь не просыпать махорку. Да, немного пришлось похозяйствовать... И, чтобы отвлечься, стал он припоминать действительную службу на границе, и как домой ехали, и про колхоз, когда на луга выходили. Эти воспоминания всегда успокаивали.

Спиридонов затянулся поглубже, отошел от танка и только сейчас заметил, какие слова намалевал Стась на башне белой масляной краской. То-то он вчера возле каптенармуса волчком крутился. На двух языках начертал-на польском и на русском: "Даешь Берлин!"

"Ай да славяне! - Спиридонов улыбнулся. - Теперь недолго моим в Скородном дожидаться... Целы ли? Говорили, передовая там дугой огненной все выжгла..."

- Пан хорунжий, на митинг зовут, - крикнул вездесущий Стась.

В центре всей этой лесной неразберихи прямо на танке с прикрученными к нему с двух сторон бревнами стоял Александр Завадский. Строгий, с неподвижным, белым, словно вырубленным из дерева, лицом, говорил он четко, не торопясь, чтобы все поняли:

- Воины храброй дивизии Тадеуша Костюшко! Вас благодарит командующий фронтом. Перед нами Берлин...

- Ура-а! - прокатилось по вздыбленному лесу.
- Бра-во! - крикнул с опозданием механик-водитель и легонько подтолкнул Алексея плечом.
- Слышь, хорунжий, а придавленные две самоходки зачтут?
- Будь уверен, Гнат, - успокоил его Алексей и припомнил, как старательно утюжил тот под Варшавой окопы. - Счет твой пополнился. Это точно!.. Да вытри же ты, чертяка, масло со лба! Полосы крест-накрест...
- Крест, молвишь. Не... умирать не к спеху, - усмехнулся Гнат. - Как, Стасик, погуляем еще?
- Тише, ребята. Сейчас приказ будет, - предупредил Спиридонов.
Выждав полминуты, Завадский продолжал:
- Мои боевые друзья и сограждане! Запомните сегодняшний день - 19 апреля 1945 года. Мы идем в последний и решительный бой. Мы ворвемся в самое логово фашистского зверя, чтобы навсегда покончить с войной. Чтобы никогда больше над многострадальными полями Польши и России не свистели снаряды, не рвались бомбы... На Берлин!
- По танкам! - тут же звонко крикнул командир роты и, подойдя к Спиридонову, внушительно сказал: - В этот бой я иду с твоим экипажем. Давай, Алеша, командуй.

* * *

Когда уже в предместьях Берлина "тридцатьчетверка" подошла к обводному каналу, мутному, в грязных перьях, с полузатонувшими полосатыми перинами и ящиками из-под сардин, Спиридонов вспомнил про сухой паек.

- Забыл... - оправдывался Стась. - Ну да ладно, в имперской канцелярии отобедаем.

Комроты весело кивнул:

- Распишемся на рейхстаге - и по домам... - Приподняв люк, он, однако, посерьезнел, живо поправил шлемофон: - Первый, первый! Я "Чайка". Обходим канал. Слева два "фердинанда". "Пятый", внимание! Огонь!

Одна из немецких машин загорелась, а другая все еще огрызалась, но снаряды ложились позади.

- Вперед! - закричал Спиридонов и присел к пулемету, отсекая десантников.

Грохот нарастал. Будто лавина сдвинулась с гор и вот-вот их задавит. Они вырвались все же на центральную магистраль, ведущую к рейхстагу. Танк переполз через завалы, кренясь то в одну, то в другую сторону. Еще один "фердинанд" задымил. Из-за него выскочил "тигр", но и он, ужаленный снарядом, закутился на месте.

В колеблющийся прицел Спиридонов разглядел мрачный силуэт рейхстага.

- Зри, хорунжий, зри, - заволновался вдруг Стась, - яка змиюка вылезла!

Совсем близко из амбразуры полуподвала показался ствол орудия.

- Огонь! Огонь! - заторопился Алексей.

Но было уже поздно. Выстрела он так и не услышал, но скорее почувствовал пролетевшую мимо него и обдавшую жаром шаровую молнию. Она легко прошла сквозь броню, расплавляя все на пути.

"Термитный снаряд", - мелькнула мысль.

Первым как бы надломился срезанный огнем механик-водитель, никогда не унывавший весельчак Гнат. Мягко съехал на спину и замер Стась. Его тельняшку жадно лизали багровые языки пламени. А комроты Василевский пытался встать на правую ногу, от левой осталась лишь обугленная, окровавленная культя.

- Нижний люк... Скорей... - прохрипел комроты.

Алексей бросился к нижнему люку. Но танк стоял накренившись, и бруствер тротуара не давал возможности откинуть крышку люка.

Башенный люк открылся легко. Но сквозняк тотчас сделал свое дело. Огненный смерч хлынул вверх. Загорелись одежда и волосы, покрывались пузырями руки. Но в эту минуту Алексей думал лишь о своем командире. Сквозь огонь он вытолкнул его на броню, а сам,

обессилев, теряя сознание от боли, свалился вниз. Припав обожженными губами к полуоткрытому нижнему люку, немного пришел в себя, напруг последние силы и вылез из машины. Сквозь розовый туман увидел командира. Тот стонал у неподвижных траков:

- Алеша...

Они поползли, метр за метром отдаваясь от огнедышащего чудовища, которое совсем недавно было их домом. Когда наконец приткнулись за одной из колонн здания, раздался взрыв.

Со стороны рейхстага усилился минометный обстрел. Мины ложились густо, и одна из них разорвалась совсем рядом.

...Алексея Спиридонова пробудил тот самый аптечный запах, который запомнился ему, когда стояли у вольеров, возле серой песчаной пашни. Алексей вспомнил слова Стася о "минералке", тогда еще мельком подумалось, что хорошо бы скуповатые земли его родного колхоза "посолить" перед севом. А потом был бой, последний бой... Чем он кончился?.. И где же он? Алексей открыл глаза, но ничего не увидел.

Позже ему сказали, что лежит он в лучшем госпитале Варшавы. А вот друг его, Николай Василевский, командир роты Войска Польского, которого он вытащил из горящей машины, скончался по дороге.

Прошло время, и Спиридонову стало немного лучше, как-то медсестра шепнула, что его здоровьем интересовался сам маршал Рокоссовский.

"Ободрить хочет", - улыбнулся Спиридонов, и улыбка на обожженном лице вышла такой страшной, что сестра не выдержала, закрыла лицо руками, выбежала из палаты. Наверно, она думала, что больной ничего не видит. Но сквозь марлю свет все же слегка просачивался, и Алексей понял, что хоть один глаз действует, и' чуть-чуть, незаметно сдвинул повязку. Врачи, правда, ругали его. Но это уже потом, а главное, он вовремя увидел то, о чем никогда уже не забывал.

...В палату быстро вошел высокий, стройный человек в окружении сопровождающих. Остановился у окна вполборота, и Спиридонов сразу узнал его. Это был Рокоссовский, его командующий, любимец солдат.

- Где тут воскресший из мертвых? - громко спросил Рокоссовский. И, подойдя к раненому, наклонился над койкой: - Спиридонов Алексей Илларионович? Командир танка?

- Так точно, товарищ маршал, - твердо ответил Алексей.

- За героизм, проявленный в боях с немецко-фашистскими захватчиками, правительство Польской Народной Республики наградило вас боевыми орденами и медалями, - произнес маршал и замолчал. Кашлянув, он подвинул тумбочку и сказал: - Вот они, ваши награды...

- Служу Советскому Союзу! - преодолевая боль, ответил Алексей Спиридонов.

Выдержав снова паузу, маршал тихо добавил:

- Выздоровливай, дружище, быстрее. И за работу, к мирной жизни. Родина, браток, нас ждет!

* * *

Село Скородное растянулось на несколько километров, и к той его части, где проживает Алексей Илларионович Спиридонов, удалось пробиться по раскисшей от дождей дороге лишь во второй половине дня. Казалось, что пенсионер, инвалид, почти незрячий человек, да еще в такую погоду, отдыхает дома. Однако дверь не открывалась.

- Был, пообедал - и снова на работу, в правление, пошел, - объяснили соседи. - Да нет, не по дороге, напрямик по полю. У него сейчас самая горячая пора. Готовимся к отчетно-выборному колхозному собранию, а он наш бессменный председатель ревизионной комиссии, содокладчик.

Лишь к вечеру Алексей Илларионович освободился. Дома, быстро раздевшись, он осторожно, на ощупь, подвинул стул, на котором висел его парадный китель танкиста с наградами. И сам рассказал, как по возвращении из госпиталя его упростили возглавить

колхоз.

- Хозяйство, правда, по нынешним временам небольшое, всего шестьсот гектаров пашни, сорок мужиков-инвалидов, несколько лошадей, буренки, на которых тоже пахали... В памяти еще не зарубцевались те послевоенные годы. Но кое-что и тогда мы сделали. Помнится, первую полторку вроде как премию получили. А там я опять заболел. После уже председательствовать в сельсовет послали.хлопот тоже хватало...

Алексей Илларионович замолчал и, задумавшись, закурил, вспоминая. А я, воспользовавшись передышкой, не удержался - пересчитал награды на его кителе. Их оказалось около двадцати.

Алексей Илларионович как-то удивительно душевно улыбнулся.

- В общем-то прав был тогда маршал Рокоссовский. Родина нас ой как ждала. Кстати, колхоз наш так и называется "Родина".